

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ РАН

Л.А. КОЗЛОВА

СОЗДАНИЕ ПЕРВОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ — ИКСИ АН СССР, 1968: АТМОСФЕРА И УЧАСТВУЮЩИЕ СУБЪЕКТЫ

Аннотация. В статье анализируется расстановка сил (социальных субъектов) и сложившийся в период хрущевской оттепели социально-политический контекст, которые обусловили создание в 1968 г. первого академического института социологии — Института конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ). На основе данных Архива Российской академии наук уточняются некоторые факты предыстории ИКСИ в Институте философии АН СССР, начиная с середины 1940-х гг.

Как известно, в конце 1950 — начале 1960-х гг. в стране существовала централизованная иерархическая система управления советской наукой, работавшая под жестким партийно-политическим контролем. Одна из самых распространенных точек зрения заключается в том, что социология в то время утверждала себя в отчаянной борьбе с властью. Анализируются вопросы, какой характер имела эта борьба; как и кому удалось преодолеть систему и заложить официальный статус социологии, создав предпосылки для организации ИКСИ; почему его специализацией стали конкретные социальные исследования? Рассматривается участие в этом процессе трех взаимодействующих сторон, или социальных субъектов — нарождающегося социологического сообщества, академического руководства, партийно-политической власти. Показаны характер и степень заинтересованности каждого субъекта, а также характер взаимоотношений между социологами и академическим руководством, социологами и партийно-политической властью, между структурами власти. Утверждается, что на этапе хрущевской

Козлова Лариса Алексеевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором социологии науки, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.
Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru

оттепели эти отношения имели разные аспекты, — как негативные, так и позитивные, — и что распространенный тезис об «ожесточенной борьбе за социологию» с властью односторонне и с преувеличением отражает реальную картину. Показано, что становление социологии в свой начальный период и создание первого академического института обязаны не только «социологическому движению», то есть массовому развитию социологических исследований, но и «институционально-административному движению» в лице академического руководства, заинтересованности и поддержке со стороны партийно-политической власти.

Анализируются идейные предпосылки создания ИКСИ. В частности — противостояние и последующий компромисс между «марксистской социологией» (историческим материализмом) и эмпирическими («конкретными») исследованиями общества. Показано, что достижения участвующими сторонами такого компромисса определило первоначальную официальную специализацию Института в форме конкретных социальных исследований.

Ключевые слова: Институт конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ); создание ИКСИ; хрущевская оттепель; марксистская социология; исторический материализм; конкретные социальные исследования; социологическое движение; институционально-административное движение; управление наукой; партийно-политическая власть; легитимация социологии; Институт философии АН СССР.

Для цитирования: Козлова Л.А. Создание первого академического института социологии — ИКСИ АН СССР, 1968: атмосфера и участвующие субъекты // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 3. С. 117–140. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5996

Введение: постановка проблемы

В статье воспроизводится и анализируется один из важнейших эпизодов в развитии отечественной социологии — история создания Института конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ)¹.

¹ Справка о переименованиях Института: 1968–1972 — Институт конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ АН СССР); 1972–1988 — Институт социологических исследований АН СССР (ИСИ АН СССР); 1988–1991 — Институт социологии АН СССР (ИС АН СССР); 1991–2017 — Институт социологии РАН (ИС РАН). С 2017 г. преобразован в Федеральный научно-исследовательский социологический центр (ФНИСЦ РАН), ставший головной социологической институцией в системе Российской академии наук.

В разные годы Институт возглавляли: академик АН СССР А.М. Румянцев (1968–1972); член-корр. АН СССР М.Н. Руткевич (1972–1976); член-корр. АН СССР Т.В. Рябушкин (1976–1983); доктор философских наук, ныне член-корр. РАН В.Н. Иванов (1983–1988); доктор философских наук В.А. Ядов (1988–2000); доктор исторических наук Л.М. Дробижина (2000–2005); с 2005 г. по настоящее время — академик РАН М.К. Горшков.

К написанию статьи побудили не только 50-летний юбилей Института, но и имеющиеся в литературе разночтения.

К настоящему времени опубликованы многочисленные документальные источники по истории социологии 1950–1960-х гг., вышло довольно много книг и статей. Все эти публикации принадлежат главным образом самим участникам событий тех лет, что, очевидно, может препятствовать дистанцированию от описываемых событий. Убедительно на этот счет высказался Г.В. Осипов: «Некорректно, на мой взгляд, самим социологам оценивать свою собственную роль в развитии отечественной науки... ограничивать круг пионеров становления социологической науки в стране узкой элитой, исходя главным образом из личных, товарищеских отношений... Не за кем-либо из ученых нашего поколения окончательное подведение итогов периода становления социологии как науки. Слишком мала дистанция необходимого для этого отстранения, слишком много личностного, субъективного сохраняется в нас» [20, с. 636]. Тем не менее наиболее распространенной точкой зрения на историографию и фактологию стала сформированная Г.В. Осиповым и его коллегами [см., например: 16–21]; в опубликованной истории российской социологии остается еще много искажений и не доказанных фактов. В 2018 году вышла любопытная книга А.С. Капто «Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было» [8], в которой автор, на наш взгляд, вносит большой вклад в исправление ситуации. Этот весьма объемный труд, также принадлежащий ученому старшего поколения, знаменателен тем, что выражает позиции, во многом противоречащие господствующим в литературе, более того, характер труда можно назвать разоблачительным, т. к. в нем большое внимание уделяется неточностям и фальсификациям, допущенным при написании истории советской социологии периода оттепели. Тем самым в исторических исследованиях заложено поле острых противоречий, требующее реагирования.

Если говорить о «философии» подходов и целеполагании авторов старшего поколения социологов, осмысляющих историю своей науки, то такие подходы разнообразны — настолько, что это побудило В.А. Ядова отрицать возможность написания «правдивой» истории социологии начального периода, так как разным ее очевидцам она видится по-своему — как борьба школ; почти диссидентская борьба с властью; служение партийным запросам; подвижническое служение науке и т. д. Так, в работах Ж.Т. Тощенко возрождение социологии рассматривается как созидательный процесс, творческими усилиями социологов «первого призыва» распространяемый в городах, регионах, республиках СССР [например: 5]; Б.М. Фирсов представляет свой взгляд на первоначальный этап социологии как «восхождение на Голгофу» социологического знания в условиях советского государства», а центральной темой при этом становятся «отношения между

социологией и властью» [29]; Г.В. Осипов в многочисленных работах трактует этот период как непримиримую, драматическую борьбу за социологию против «партократии» и философов-истматчиков.

Несколько особняком стоят работы, опубликованные не «первопроходцами», а более молодыми исследователями, в частности, в проектах Г.С. Батыгина [см., например: 1–4; 24]. Здесь авторы стремятся строить анализ на архивных источниках, открывать и интерпретировать неизвестные страницы истории, забытые имена. При этом они объективно более дистанцированы от описываемых событий, что позволяет соблюдать большую ценностную нейтральность. Особенный ракурс имеет коллекция интервью со старшим поколением социологов, которые собрал Б.З. Докторов [см., например: 7], продолжая начинание Г.С. Батыгина 1990-х гг. [26]. Коллекции представляют историю социологии в воспоминаниях очевидцев, «в лицах», то есть биографизированную историю, и в ней можно встретить самые разные позиции. «Гладкой» не выглядит и уже опубликованная разными авторами история создания первого академического института социологии [см., например: 20, с. 504–539; 24]. Особый интерес для нас представляет глава из книги А.С. Капто «ИКСИ: свидетельства и мифы о рождении» [8, с. 82–123].

В этой статье рассматривается атмосфера «философской предыстории» и начальный период организации Института конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ), завершившийся в 1968 г. Внимание фокусируется на взаимодействии социальных субъектов, участвовавших в этом процессе: какие силы, в каких социально-политическом и научном контекстах участвовали в создании ИКСИ². Ставятся задачи выяснить, как создание Института стало возможным в условиях государственно-административной системы управления наукой; выявить роли в этом участвующих субъектов; уточнить отдельные документальные страницы этого события; подробнее остановиться на фактах исторической связи ИКСИ с Институтом философии АН СССР. Помимо книжных и статейных аналитических источников по теме, использованы материалы Архива Российской академии наук (РАН), а также воспоминания очевидцев из коллекций интервью.

Кем и как создавался Институт: расстановка сил

Еще в середине 1990-х в литературе отмечалась необходимость анализировать институциональные предпосылки и политический контекст социологического движения конца 1950-х – первой половины 1960-х гг., чтобы ответить на вопрос: «...каким образом сложился

² В упомянутой книге А.С. Капто [8, с. 11–81] можно найти очень интересные и совпадающие с мнениями автора этой статьи рассуждения на тему расстановки социальных субъектов, причастных к институционализации российской социологии в период хрущевской оттепели.

официальный статус социологии внутри высокоцентрализованной иерархической системы управления советской наукой и почему наиболее существенные решения, обеспечившие существование социологии как профессии... были приняты высшими партийными инстанциями и достаточно консервативным руководством Академии наук» [4, с. 5]. Фактически это ключевой вопрос для понимания того, как вообще стала возможной советская социология периода оттепели.

Выделим три главные взаимодействующие стороны, каждая из которых представляла собственные интересы: партийные и государственные власти — научное руководство, или философы-идеологи высшего ранга — социологи, или, лучше сказать, те исследователи разных специальностей, областью интересов которых стали социологические исследования. Рассмотрим отдельно характер и степень заинтересованности каждой из сторон в организации института социологических исследований, их взаимодействия. Целесообразно начать с конца обозначенной цепочки.

Социологическое сообщество. Примерно с середины 1950-х гг. советская социология начала развиваться массово³. В работах становление российской социологии в хрущевский период справедливо определяется как «массовый процесс», «профессиональное движение, основу которого составляли “ядра” и “сети” межличностных связей» [31], «социологическое движение» [2; 25; 29 и др.] и т. п. Иными словами, социология до своей институционализации развивалась «снизу», — в силу массового интереса специалистов разных областей к исследованию российского общества на его очередном переломе. М.К. Горшков и Ж.Т. Тощенко отмечают, что в это время начинают создаваться «прообразы» социологических подразделений и группы энтузиастов во многих городах России — Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске, Уфе, Горьком, Орле, Красноярске, Барнауле, Иркутске, Хабаровске, Саратове, Самаре, Тюмени и др. [6, с. 4–5]. О всплеске интереса к исследованию общества вспоминают все социологи старшего поколения [см., например: 26; 7].

В официальных документах тех лет мы также находим прямые указания на стихийное разрастание социологического движения, приводятся цифры. Так, в 1967 г. председатель Комитета по печати при Совете министров СССР Н. Михайлов в адресованной ЦК КПСС «Аналитической записке Главной редакции общественно-политической литературы “О литературе по конкретно-социологическим исследованиям”» отмечает, что с конца 1950-х гг. конкретные социальные

³ Вопреки распространенной точке зрения обнаруживается все больше доказательств того, что и до и после Великой Отечественной войны социология не исчезала полностью и тем более ее не запрещали официально [см., например: 4; 9; 8].

исследования ведутся очень широко, представителями самых разных профессий («философы, экономисты, юристы, историки, специалисты по научному коммунизму, этике, эстетике, атеизму, психологии, педагогике и др.»), преподавателями «150 кафедр общественных наук в вузах страны, аспирантами, комсомольскими работниками» [27, с. 125]. К перечню следует добавить как минимум представителей естествознания и партийных работников. Н. Михайлов также отмечает бурный рост социологической литературы, анализируя ее соответствие задачам коммунистического строительства. В. Поремский в своей знаменитой статье «Советская социология глазами западных ученых» (журнал «Грани», 1967) пишет со ссылкой на убедительные источники: «К середине 1966 года в стране уже около 2000 работников вузов и научно-исследовательских институтов занимаются конкретными социологическими исследованиями [по данным академика П.Н. Федосеева. — Л.К.], а всего работало в области социологии до 3000 человек. Это сказалось и на количестве социологических публикаций: свыше 3000 в 1965 году [по данным проф. А.А. Замошкина из доклада на VI МСК в Эвиане в сентябре 1966 г. — Л.К.] и, вероятно, до 5000 в 1966 году» [27, с. 103]. Даже если эти оценки слишком оптимистические, они показывают тенденцию.

Ввиду бурного развития социологического движения назрела потребность в постановке социологических исследований на научную и организационную основу, в ее институционализации. Легко предположить, что это полностью соответствовало интересам и потребностям исследователей. Хотя, надо заметить, их сообщество не было однородным: в него включались и случайные «попутчики», надеявшиеся сделать карьеру в новой области; и люди с материальными запросами (так, по некоторым свидетельствам, поначалу и в ИКСИ приходили искатели довольно высокой институтской зарплаты); и «проходимцы со знанием иностранных языков», решавшие свои конъюнктурные вопросы, как в одной из публикаций замечает Ю.А. Левада. Но, стоит думать, что большинством все же двигал научный интерес, иначе само социологическое движение не могло бы возникнуть. В среде таких исследователей царили подъем и романтический настрой; подавляющее большинство зарождающегося сообщества составляла молодежь.

Подчеркнем, логично предположить, что стихийное социологическое движение дало импульс созданию ИКСИ и в значительной мере предопределило его. М.К. Горшков и Ж.Т. Тощенко отмечают: «Это во многом стихийное развитие, которое осуществлялось энтузиастами во многих городах и учреждениях, увенчалось созданием первой академической структуры — “Института конкретных социальных исследований” ...» [6, с. 4–5]. Развитие социологического движения в стране создало базу для становления социологии и ускорило его, но

движения самого по себе для институционализации этой науки в условиях тотального партийно-административного управления было явно недостаточно. Здесь мы переходим к вопросу об интересах и участии в этом процессе двух других сторон — академического руководства и партийно-политической власти, об их взаимосвязях с социологами. Сразу оговоримся, что в то время было трудно отделить влияние на сообщество социологов двух ветвей власти — академической и партийно-политической, поскольку обе они действовали в весьма тесном контакте⁴. Однако между ними в интересующем нас плане была и специфика, которую мы надеемся раскрыть ниже, определяемая тем, что если Академия отвечала за науку и идеологию, то КПСС отвечала за все, что происходило в стране, и в первую очередь за стабильность режима.

Академическое руководство. В литературе распространено мнение, что не только с олицетворявшей режим партократической властью, но и с академическим философским руководством велась «самоотверженная, порой трагическая борьба» социологов за становление своей науки. Так ли это, какой характер имела эта борьба?

Мы скорее определили бы отношения между социологами и академическим руководством как противостояние или позиционный конфликт. В первую очередь противостояние было идейным и не столь уж драматическим. Главная коллизия разногласий связана с несовпадением взглядов на соотношение исторического материализма и марксистской социологии; предмет и назначение этой науки; целесообразность придания социологии автономного статуса. Еще с 1930-х гг. повелась традиция считать марксистской социологией философию марксизма — исторический материализм. Эмпирические же исследования, развивавшиеся до революции, в послереволюционный период были сведены на нет [9]. Те, кто в конце 1950-х гг. стояли у руля общественных наук, отводили такой «марксистской социологии» — то есть историческому материализму (вкуче с диалектическим материализмом) — роль теории и метода. Однако такая «социология» не имела инструментов для изучения изменяющегося общества и в эмпирическом плане была бесплодна. К тому же к рассматриваемому периоду произошел полный разрыв «марксистской социологии» с общественной реальностью из-за сведения функций первой к повторению давно затверженных

⁴ Для иллюстрации вспомним один факт: все решения партии и правительства по науке обсуждались на так называемых собраниях активов АН СССР (они предусматривались еще уставом ВКП(б) от 1939 г.). Собрания готовились двумя интересующими нас сторонами — Президиумом АН СССР в тесном контакте с Отделом науки и учебных заведений ЦК; отчеты же обязательно направлялись в ЦК КПСС. Еще один важный факт: все теоретические построения в общественных науках тогда были частью идеологии, а потому за них отвечали как ученые, так и партработники.

абстрактных истин, сервильному служению власти, то есть произошла теоретическая стагнация общественных наук.

Академическому руководству, занимавшему высокие позиции, находившемуся на службе у жесткой государственно-административной системы, было совсем не легко ей противостоять. Области специализации академиков-обществоведов были философия, экономика, история и т. д. в их марксистской версии. Руководители науки были призваны работать в рамках советской идеологии, пропагандировать ее, действуя в тесном контакте с партийной властью. Кроме того, создавая новую социологию, обществоведы-руководители могли лишиться собственной монополии на понимание и разъяснение общественных отношений. Таким образом, испытывая потребность в инструментах изучения общества, академическое руководство апеллировало к истмату как к «марксистской социологии» и не спешило с приданием новой социологии автономного статуса. Речь сейчас идет о тенденции, а не о мнениях и действиях отдельных руководителей науки, сообщество которых не было однородным в понимании задач социологии (см. примеры ниже).

У социологов был иной взгляд на эти задачи, связанный с потребностью преодолеть истматовские застывшие формулы и найти действенные инструменты для познания общества. Искренний массовый интерес к исследованию общества, как отмечалось, у ученых разных специализаций возник на волне реформационных процессов в период хрущевской оттепели, задавших мощный импульс пересмотру взглядов на общество и его будущее. А потому социологи в первую очередь тяготели к эмпирическому исследованию; многие из них хотели проверить, насколько реальная общественная жизнь соответствует постулатам истмата; они хотели понять, как меняется общество и каковы перспективы социалистического пути развития. Они начали строить свою науку как эмпирическую, конкретную, количественную, статистическую и даже социально-инженерную. Возникло большое внимание к изучению методики и техники социологического исследования. Для наиболее социологически мыслящих специалистов это не только не исключало, но и предполагало интерес к созданию социологической теории, которая не совпадала бы с истинами истмата, но была бы теорией эмпирической, то есть вытекающей из исследования общественных явлений и проверяемой ими (на это, например, недвусмысленно указывал Ю.А. Левада в известных «Лекциях по социологии» 1967 года [12, с. 3–10]).

В разных представлениях о задачах и назначении общественных наук и заключалась суть противостояния, или позиционного конфликта между нарождающимся социологическим сообществом и философским руководством. Ситуация напоминала «перетягивание каната», исходом которой мог стать «реванш» социологов в восстановлении

и развитии эмпирической социологии, утраченной несколько десятилетий назад. Но борьбой эти взаимоотношения назвать трудно при всем желании, поскольку молодое сообщество социологов состояло из марксистов (об этом чуть ниже) и хотя бы еще потому, что между ними и научным руководством были отношения институционального подчинения и зависимости. Более того, между двумя сторонами наблюдалось своего рода сотрудничество. Энтузиазм социологов не мог бы увенчаться успехом в создании ИКСИ, если бы ему не оказали поддержку руководящие органы Академии наук СССР, академики-обществоведы, математики, статистики. Их участие, как представляется, заслуживает отдельного места в историографии советской социологии, хотя Г.В. Осипов отводит им в этом деле неоправданно скромную роль [см., например: 20, с. 509–513].

В целом можно согласиться с Г.В. Осиповым в том, что академики хотели влить свежую кровь в стагнирующий истмат, с которым со времен сталинизма незыблемо отождествляли социологию, и, пожалуй, далеко не все из них ставили осознанную задачу сделать социологию самостоятельной наукой. Однако между ними и социологами к моменту создания ИКСИ установилось идейное равновесие. На какой почве? С одной стороны, академики в своем большинстве не были против конкретного изучения общественных реалий, против введения конкретных социологических исследований, и их введение стало первым шагом к созданию социологии как самостоятельной науки. Следует признать, что часть философского руководства была нацелена лишь на разворачивание конкретных исследований, другая — на создание социологии как самостоятельной науки. В обоих случаях на быстрые преобразования рассчитывать не приходилось, т. к. это были лишь первые шаги по институциональному возрождению социологии, и их необходимо было сделать последовательно.

С другой стороны, если говорить о молодых социологах, то они не ставили перед собой глобальную задачу «опровергнуть исторический материализм» и тем самым создать угрозу деятельности академиков, о чем пишет Г.В. Осипов [20, с. 509, 510 и мн. др.]. Социологи сами тогда придерживались марксистской и структурно-функционалистской точки зрения в духе Т. Парсонса, и противоречий с научным начальством это не вызывало. Вспомним, как В.А. Ядов ответил Б.З. Докторову на вопрос «Чувствовали ли вы тогда себя скованными тем, что работать надо было лишь в рамках марксизма?»: «Какая... скованность? Мы и были марксистами, но такими, которых потом окрестили идеалистами-шестидесятниками. Важно заметить, что в тот период марксизм как-то уютно совмещался с парсонсианским позитивизмом... Почему так? Парсонс отлично отвечал интересам брежневских прагматиков: стабильность системы» [30, с. 9]. А.Ф. Филиппов пишет о некоем подобии добровольного «симбиоза» социологов с «ис-

тматчиками», заключавшемся в том, что первые, испытывая давление вторых, «переносили свои усилия на их поле, объявляя истмат социологической теорией и методологией. Это, в свою очередь, вынуждало их вбирать темы и постановки проблем в истмате в свои собственные конструкции» [28, с. 100].

Описанные выше идейные разногласия между нарождающимся социологическим сообществом и академическим руководством периода хрущевской оттепели разрешились компромиссом, или «историческим союзом» между истматом и конкретными исследованиями. Совместными усилиями социология была легитимизирована в форме конкретных социальных исследований (кси) при сохранении истмата как теоретической части этой науки, «посредством интервенции идеи оптимального планирования и математического анализа социальных процессов в традиционную структуру марксизма» [4], что было важно для руководства. Исследовавший начальный этап социологии Д. Шалин в 1978 г. высказал подобную точку зрения и не ошибся в своих прогнозах: отличительной чертой советских социологических исследований было то, что прямо или косвенно они стремились проверить гипотезы, вытекающие из теории Маркса, что между марксистской теорией и исследованиями наблюдался «исторический союз», который, «вероятно, останется основным наследием первых десятилетий советской социологии»⁵ [32, р. 172]. Стало признанным, что советский марксизм как теория может поддерживать свое значение лишь в сочетании с эмпирическими исследованиями общества. Д.Н. Шалин почти афористично подмечает такое встречное «схождение» двух идейных начал — кси и советского истмата: «Термин “конкретные социальные исследования” был придуман для обозначения нового духа в марксистской социальной науке» [32, р. 174]. Л.Н. Москвичев подчеркивает официальное закрепление этого «союза» — «...со второй половины 50-х гг. вплоть до 1988 г. социология официально признавалась как прикладная дисциплина в рамках марксистской философской науки», и в начале 1970-х гг. это было зафиксировано в Номенклатуре специальностей научных работников появлением специальности “прикладная социология” в разделе философских наук [13, с. 490–491].

Таким образом, отношения между академическим руководством, сохранившим значение истмата, и социологическим сообществом,

⁵ Этот «союз» закрепился еще более в начале 1970-х гг., когда была выдвинута концепция «трех уровней» — истмат как общесоциологическая теория, специальные социологические теории, кси. В.В. Колбановский называет эту концепцию «идеологическим компромиссом» и «модусом вивенди» между истматчиками (истмат окончательно закреплялся как общесоциологическая теория) и социологами, получившими возможность разрабатывать частные социологические теории и проводить кси [10, с. 25].

получившим возможность легально заниматься кси, достигли своего status quo. Эта важная предпосылка во многом определила создание первого академического института по социологии именно в форме института конкретных социальных исследований.

Академическое руководство оказывало поддержку формирующейся социологии — как оно ее понимало, о запретах и речи не шло. В итоге, после достижения идейного компромисса, главными проблемами стали организационные, а не идейные. Они требовали времени и одобрения со стороны власти. Какими бы ни были мотивы академиков, без их посредничества и поддержки в эпоху тотального партийного контроля и управления ИКСИ не был бы создан и социология впоследствии не получила бы статуса самостоятельной науки. Даже Г.В. Осипов признает этот факт, хотя и частично: «Академики в сложившихся условиях озвучили эту инициативу [создание ИКСИ. — Л.К.] в ЦК КПСС» [20, с. 513]. Но ведь не только озвучили, но и разъяснили, простимулировали, причем выступая коллегиально и коллективно, от имени высоких научных инстанций. Подчеркивая, что роль академических руководителей была институциональной, а не «частной», А.С. Капто пишет: «...начало возрожденческого процесса отечественной социологии, в том числе и создание первых социологических структур, отмечено усилиями не действовавших в условиях запретов социологии одиночек, а Президиума АН СССР, руководителей ряда академических институтов и высших учебных заведений, а в ряде случаев и некоторых государственных структур» [8, с. 98].

Приведем примеры из 1950-х годов. Так, перу академика В.С. Немчинова — экономиста и статистика, в то время академика-секретаря Отделения экономических, философских и правовых наук, члена Президиума АН СССР — принадлежат статьи середины 1950-х гг. (видимо, первые послевоенные на эту тему) — «Социология и статистика» (1955) [14, с. 19–30.] «Проблемы современной социологии» (1956) [15, с. 5–9], в которых уже ставятся задачи социологии как самостоятельной науки социально-инженерного плана⁶. В июне 1957 г. вице президент АН СССР академик К.В. Островитянов и главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик А.В. Топчиев выступили с ходатайством перед ЦК КПСС о создании Советской социологической ассоциации АН СССР. В октябре 1959 г. в отчете для ЦК КПСС «Об итогах IV Всемирного социологического конгресса» (впервые?) за широкое разворачивание социологических исследо-

⁶ Для сравнения: Г.В. Осипов в своих воспоминаниях пишет, что вопрос о самостоятельности социологии был поставлен им и гораздо позже, в 1965 г., в статье «Социология и социальные исследования»: «Впервые такая постановка была обозначена мною в журнале “Социальные исследования” (1965 год)...» [18, с. 96].

ваний и создание социологических структур выступили академики П.Н. Федосеев (тогда директор ИФ АН СССР) и Ю.П. Францев (председатель Советской социологической ассоциации АН СССР). Наконец, в июне 1965 г. на совещании в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС П.Н. Федосеев, в то время вице-президент АН СССР, курировавший социальные и гуманитарные науки, говорил о важности конкретных исследований для развития социальной мысли: «За последнее время получили распространение конкретные социологические исследования. Это, мне кажется, очень положительное явление. Много было тут споров и столкновений, и все-таки утвердилось понимание того, что необходимо конкретно изучать. Эта форма борьбы с догматизмом, форма обобщения опыта, форма творческого подхода к теории» (курсив наш. — Л.К.) [27, с. 68]. В 1966 г. был создан Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований при Президиуме АН СССР (рук. — А.М. Румянцев; о нем см. статью Н.В. Романовского [25]). Это далеко не все примеры. Вклад высших академических инстанций в организацию социологии хорошо документирован в архивном сборнике, изданном под редакцией Л.Н. Москвичева [27].

Итак, можно сделать вывод, что одновременно с «социологическим движением» исследователей возникло и «институционально-административное движение» академического руководства за институционализацию в стране социологических исследований. Оно было именно институциональным, то есть преимущественно выступало от имени академических инстанций, а не частных лиц. Подчеркнем, что вхожие в партийные коридоры академические руководители высшего ранга стали своего рода посредниками между нарождающимся социологическим сообществом и партийно-государственной властью, без одобрения которой тогда не решался ни один вопрос. Именно они поступательно ставили и разъясняли перед партийными властями задачи по созданию в стране социологии, образовав, по сути, «институционально-административное движение».

Партийно-политическая власть

И.С. Кон в своих воспоминаниях писал, что к моменту открытия ИКСИ необходимости в нем у партийной власти уже не было: «Пока в стране шло какое-то обновление, социология была начальству нужна. Но в силу неповоротливости бюрократического аппарата ее институционализация затянулась, и ИКСИ был создан только по инерции, когда никакой нужды в нем у партии уже не было». И.С. Кон объясняет свой вывод тем, что «общественные науки могут развиваться только в свободной обстановке, изучая реальные социальные проблемы, между тем “зрелый социализм” принципиально утверждал собственную беспроблемность. Советское общество достигло такой стадии зрелости, когда сущность и явление совпали, сделав науку излишней» [11].

В.В. Колбановский в своих воспоминаниях писал нечто подобное о «номенклатурных слепцах»: «Социология была им нужна только в качестве модного бантика, совершенно инородного на полувоенном “сталинском” кителе, но очень подходящего к костюмчику гражданского покроя» [10, с. 30]. Попытаемся проверить, все-таки нужна ли была социология партийно-политической власти в 1950–1960-е гг., и если да, то для чего, в каком виде?

А.С. Капто выделяет в литературе три основные интерпретации, касающиеся отношений «социология и власть»: (1) «фактически бесконфликтное сотрудничество»; (2) «конструктивное (насколько это было возможно в условиях командно-административной системы) взаимодействие»; (3) «интерпретация взаимоотношений социологии и власти (в лице “партократов”) в категориях постоянной борьбы и непримиримого антагонизма» (см. подробнее: [8, с. 35–40])⁷.

В публикациях наиболее распространена третья позиция, то есть мнение Г.В. Осипова и его коллег, что в 1960-х гг. социология восстанавливалась в обстановке ожесточенной борьбы с властью, описываемой в выражениях: «сопротивление партократии» (см., например: [20, с. 640]); создание социологии как науки «вопреки воле властей» [19, с. 31], «сломив сопротивление противостоящей им [социологам. — Л.К.] объединенной армии философов-марксистов и безраздельно господствовавшей в СССР хорошо отлаженной машины партийной, государственной и идеологической власти» [21, с. 15]. Эта позиция, на наш взгляд, искажает оценку роли власти на начальном этапе социологии.

Позиция «конструктивное взаимодействие» представляется нам наиболее правдоподобной. Оно сочеталось с противостоянием, но как пишет Б.М. Фирсов: «...социологи создавали средства для не возмущающего власть противостояния» [29, с. 137]. Как свидетельствуют документы, «сопротивление партократии» в лице идеологических структур КПСС заключалось в «партийных указаниях» и дискуссиях по поводу метода и развития марксистской методологии, тематики и организации социологических исследований, но не в том, чтобы тормозить и запрещать. «Со стороны органов советской власти никакого запрета или торможения развития разных уровней социологического знания, как иногда утверждается в печати, не было», — вспоминает Н.В. Пилипенко, который в 1968–1984 гг. заведовал сектором философских наук отдела науки ЦК КПСС и курировал работу ИКСИ [22, с. 345]. «Партократы» заботились о том, чтобы социологические исследования не подрывали постулаты советской идеологии и не «раскачивала лодку». Между тем партийно-политическая власть по-своему была

⁷ В своей книге Б.М. Фирсов показывает сложность, многоплановость отношений социолога к власти, выдвигая семь моделей, связанных с его личным выбором [29, с. 137–148].

заинтересована не только в развитии конкретных социологических исследований, но и в дальнейшем развитии общественных наук, в том числе социологии. Социологи же старались договориться с партией, а не бороться с ней. Факторы партийного влияния в эпоху тотального партийного руководства были определяющими, а «модель партийного руководства», как подчеркивает С.А. Капто, «была принята социологическим сообществом к руководству» [8, с. 49]. Так что отношения социологии и власти в этот период мы описали бы как сочетание «конструктивного взаимодействия» с «невозмущающим противостоянием».

Вклад партийной власти и ее представителей в создание социологии, свидетельства заинтересованности в ней подробно анализируются в книге С.А. Капто (признание необходимости социологических исследований в партийных документах; создание институций; социологические проекты, инициированные партией; создание внутрипартийной социологической структуры («партийной социологии») и многое другое), и мы не будем останавливаться на перечислении подтверждающих фактов. Важнее для нашей темы назвать причины, по которым партийное руководство разрешило создать первый академический институт социологии, — и именно в виде Института конкретных социальных исследований.

Во-первых, базовым фактором стало изменение социально-политической ситуации в стране, давшее импульс массовому стихийному социологическому движению. Создалась ситуация, когда партийным органам оставалось лишь «дать добро» этому движению, разработать формы его организации и управления им, наладить свою контролирующую функцию. Этим целям мог служить академический институт.

Во-вторых, социологическое движение усилилось «административно-институциональным» движением академического руководства, разъяснявшего партийным инстанциям необходимость развития «марксистской социологии» и создания ИКСИ.

В-третьих, в период десталинизации у партийно-государственной власти появилась собственная потребность в понимании, каким должно быть дальнейшее общественное развитие, как управлять страной и т. п. Подчеркнем, что правящая партия со времен революции во многом опиралась на социальную экспертизу в своих решениях по программе «оптимального планирования социалистической экономики» [2, с. 14]. Партийное управление оказалось на перепутье и нуждалось в помощи со стороны науки, несмотря на то, что советская идеология «прописывала» полную «беспроblemность» и уверенность в настоящем и завтрашнем дне страны. Если теорию, то есть истмат, предполагалось оставить незыблемой, то потребность изменить подход к масштабу и характеру эмпирических исследований общества стала настоятельной. Требовалась информация об обществе — и для подтверждения постулатов марксизма, и для задач управления и планирования. А по-

тому партийная власть выступила за развитие кси, поддерживая в этом академическое руководство и социологическое сообщество.

В-четвертых, партийно-государственной власти развитие конкретных исследований на существовавшем теоретическом уровне — уровне истмата — не угрожало идеологически. По этой причине создание ИКСИ не могло нанести урон господствующей идеологии. Власти сходились с академиками в том, что теория общественных наук — это советский истмат. Его положения совпадали с идеологией, которой придерживалась и которую пропагандировала партийно-политическая власть. Совпадение роли ученого-социолога и роли идеолога, предписываемое марксизмом, также не нарушалось. Ведь не только руководители — в любом ранге, но и рядовые сотрудники РАН должны были состоять в КПСС, чтобы иметь возможность какого-либо карьерного роста и просто работать по специальности. Г.С. Осипов констатирует хорошо известный факт: «Но если быть честным, то в советский период российского государства все мы — и я, и Ядов, и Здравомыслов, и Шубкин, и многие, чтобы не сказать большинство, наших коллег, были в коммунистической партии» [20, с. 640]. И они в большинстве своем ей доверяли и, что называется, следовали ее курсом, в целом принимая «модель партийного руководства», «партийные указания»⁸.

В-пятых, еще одна сторона деятельности партии, нуждавшаяся в опоре на академический институт, — это демонстрация преимуществ социализма, участие в борьбе идеологий на международной арене. По этой причине, в частности, важную роль в кристаллизации идеи о необходимости институционализировать социологию как науку сыграли санкционированные органами КПСС расширение международных связей российских социологов (командировки, стажировки, обмены), участие в международных социологических конгрессах, создание Советской социологической ассоциации АН СССР (1958), кампания по распространению и переводу зарубежной научной литературы и т. д.⁹

Контакт между социологическим сообществом и властью, достижение консенсуса между ними следует считать атрибутивным свойством кампании по созданию советской социологии периода оттепели. Именно такого рода отношения отличают развитие советской социологии от развития западной, которая обычно создавалась научным

⁸ Так, В.А. Ядов в частной беседе с автором статьи говорил о том, что в то время был искренним членом партии, и его первые интересы к изучению общества вдохновлялись XX съездом партии.

⁹ Отметим в этом плане вклад ученых-международников, собравшихся вокруг ректора МГИМО Г.П. Францева (Э.А. Араб-оглы, Г.А. Арбатов, Г.К. Ашин, Э.А. Баграмов, И.В. Бестужев-Лада, Д.М. Гвишиани, Г.Л. Епископов, Д.В. Ермоленко, Ю.А. Замошкин, Г.В. Осипов, Ю.Н. Семенов, В.С. Семенов и др.).

сообществом или научными обществами. Скрупулезно рассмотрев «субъект-объектные» отношения между властью и социологическим сообществом, А.С. Капто считает неоспоримым факт, что «решение всех ключевых проблем социологического ренессанса связано с властью, и прежде всего партийной...» [8, с. 39]. Это в полной мере относится и к созданию ИКСИ: сначала — в мае 1968 г. — его утвердил ЦК КПСС, а 14 июня того же года было принято известное постановление Президиума АН СССР № 509 об организации ИКСИ; в стенограмме заседания его участники упоминают Институт как уже существующий¹⁰.

Предыстория ИКСИ в Институте философии АН СССР

Создание в 1968 г. ИКСИ имело свою 20-летнюю «философскую предысторию», обусловленную не только идейным единством социологии с истматом, но и единством первых социологических подразделений с Институтом философии АН СССР (ИФ). Здесь они создавались еще в середине 1940-х гг., то есть задолго до организации в ИФ сектора исследований новых форм труда и быта (1960), на базе которого был создан отдел конкретных социологических исследований (1966)¹¹, а на базе последнего — ИКСИ АН СССР. В литературе же, согласно распространенному мнению Г.В. Осипова и коллег, предыстория ИКСИ в ИФ начинается с сектора исследований новых форм труда и быта, то есть с 1960 г.¹²

Подразделения по социологии середины 1940-х гг. (вплоть до 1959 г.) не занимались эмпирическими исследованиями, что соответствовало логике развития этой науки в условиях идеологии того времени и в отсутствии широкого социологического движения. Эти подразделения выполняли теоретические и идеологические функции. Приведем их перечень (возможно, с некоторыми пробелами) в порядке хронологии, исходя из доступных документов АРАН и опубликованных данных.

На самом первом подразделении остановимся подробнее. В начале 1946 г. в секторе исторического материализма организуется *группа*

¹⁰ Стенограмма заседания Президиума АН СССР от 14 июня 1968 г. // Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 2. Оп. 6. Д. 718. Л. 61 139.

¹¹ В секторе изучения новых форм труда и быта, по свидетельству одного из его сотрудников В.В. Колбановского, работало порядка 10 человек [10, с. 27], а в отделе конкретных социологических исследований к моменту создания ИКСИ — 101 чел. [Постановление Президиума АН СССР № 509 от 14 июня 1968 г. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 718. Л. 37].

¹² Все перипетии рассмотрения и утверждения органами ЦК КПСС и АН СССР вопросов, связанных с созданием ИКСИ, и соответствующие документы наиболее подробно и глубоко проанализированы в главе книги А.С. Капто «ИКСИ: свидетельства и мифы о рождении» [8, с. 82–123]. Здесь есть также сведения о предыстории сектора исследований новых форм труда и быта в ИФ. Мы дополним их архивными свидетельствами.

социологии (рук. — проф. М.П. Баскин)¹³; иногда в документах фигурирует название *группа по истории социологических учений*. Судя по протоколам заседаний, поначалу ее задача была историко-научной — изучение «истории социологических учений». В конце 1946 г. группа преобразуется в *сектор социологии*¹⁴. М.П. Баскин отмечает, что сектор возник «в результате... задачи борьбы с реакционной зарубежной социологией»¹⁵. Такая переориентация была предписана извне¹⁶. Тем не менее Баскин ставит и «дополнительную задачу»: «систематическую информацию философских научных кадров СССР о зарубежной социологии», добавляя в скобках полагающееся — «(путем критических рефератов, обзоров и т. д.)»¹⁷. В конце 1947 г. сектор Баскина стал называться *сектором современной зарубежной философии и социологии*¹⁸. Коллектив оставался научным, умело лавируя между собственными интересами и привходящими указаниями [4].

Далее в ИФ, как отмечает А.С. Капто, «...путем преобразования учрежденного в 1957 году сектора критики современной буржуазной философии и социологии... были созданы... три самостоятельные группы с уточнением в каждой из них конкретных направлений: 1) группа критики современной буржуазной философии; 2) группа критики современной буржуазной социологии; 3) группа современной буржуазной философии и социологии» (выделено нами. — Л.К.) [8, с. 92] (согласно описи 1 «Управленческая документация за 1936–1957 годы» фонда 1922 АРАН, это были не группы, а секторы).

В 1959 г. в секторе истмата ИФ, которым руководил Ю.П. Францев — по его совместной с П.Н. Федосеевым инициативе — создана *группа социологических исследований* для издания книги «Новые фор-

¹³ Структура [Института философии] на 1946 г. // АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.

¹⁴ Отчет о работе сектора [социологии] за 1946 г. // АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 213. Л. 1.

¹⁵ Отчет о работе Сектора социологии за период с 1 января по 1 июля 1947 г. // АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 252. Л. 1.

¹⁶ Это видно уже из протокола заседания конца 1946 г., в котором принимали участие по представителю от Института Маркса, Энгельса, Ленина; ЦК ВКП(б), МГУ, Института внешних сношений. Задача сектора записана как «борьба с современной буржуазной социологией»; перечисляются так называемые «внеинститутские предложения» по работе сектора, имеющие пропагандистско-идеологический характер [Протокол № 9. Заседание сектора социологии. О плане работ на 1947 г. 20/IX–1946 // АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 214. Л. 39–41].

¹⁷ Отчет о работе Сектора социологии за период с 1 января по 1 июля 1947 г. // АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 252. Л. 1.

¹⁸ Протокол № 1 заседания сектора современной буржуазной философии и социологии от 9/I-1948 г. // АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 308. Л. 1.

мы труда и быта» (рук. — Ю.П. Францев; приказ по ИФ АН № 21 от 13.01.1960). С этой группы в ИФ берут начало эмпирические социологические исследования. Постановлением Президиума АН СССР № 930 от 14.10.1960 группа преобразуется в *сектор исследований новых форм труда и быта*, на который возлагаются задачи исследования «конкретных процессов коммунистического строительства», в частности форм труда и быта, влияния технического прогресса на культурную жизнь общества, а также «разоблачение извращений современными буржуазными социологами практики коммунистического строительства»¹⁹ (рук. — Г.В. Осипов; приказ по ИФ № 337 от 24.10.1960)²⁰. Наконец, сектор преобразуется в *отдел конкретных социологических исследований* (приказ по ИФ № 125 от 21.04.1966); по Постановлению президиума АН СССР № 594 от 05.08.1966 в нем организуются пять секторов²¹, а с 15.11.1968 отдел упраздняется (приказ по ИФ № 629 от 29.10.1968). Этим завершается «философская предыстория» ИКСИ и начинается самостоятельная история первого академического института социологии. Окончательный документ — Постановление Политбюро ЦК КПСС «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР» — был принят 22 мая 1968 г. (см.: [27, с. 142]).

Несмотря на идеологическую и истматовскую направленность первых социологических секторов ИФ, работавших до создания в 1959–1960 гг. группы социологических исследований и сектора исследований новых форм труда и быта, их нельзя сбрасывать со счетов истории советской социологии, поскольку они по своей дисциплинарной принадлежности были социологическими, хотя и не занимались эмпирическими исследованиями. Еще в конце 1930-х социологию отождествили с историческим материализмом (диаматом, позже — научным коммунизмом). Этим и обусловлена направленность первых секторов, относящихся к начальному этапу (вос)становления социологии — до хрущевской оттепели. Тогда просто не было другой социологии, кроме ее марксистской разновидности, совпадавшей с истматом. Позже, к началу 1970-х, социология приобрела свою эмпирическую часть и закрепила ее созданием академического института; хотя и тогда теоретический уровень социологии не перестал отождествляться с истматом, «разбавленным» так называемыми «теориями среднего уровня».

¹⁹ Постановление Президиума АН СССР № 930 от 14.10.1960 // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 331. Л. 33.

²⁰ Отметим, что Г.В. Осипов пишет, будто этот сектор создан не в октябре, а в мае 1960 г. (см., например: [20, с. 505; 27, с. 155]).

²¹ Постановление Президиума АН СССР № 594 от 05.08.1966 // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 587. Л. 30.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батыгин Г.С.* Советская социология на закате сталинской эры (несколько эпизодов) // Вестник академии наук. 1991. Т. 60. № 10. С. 90–107.
2. *Батыгин Г.С.* Предисловие // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. С. 3–16.
3. *Батыгин Г.С.* Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. С. 23–44.
4. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм. (Статьи и подготовительные материалы). Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 174–201.
5. Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / Ж.Т. Тощенко; Отв. ред. Н.В. Романовский. СПб.: Алетейя, 2010. — 664 с.
6. Горшков М.К., Тощенко Ж.Т. Основные вехи в развитии отечественной социологии (конец 1950-х – 2010-е гг.) // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 3–16. DOI: 10.7868/S0132162518060016
7. *Докторов Б.З.* Биографические интервью с коллегами-социологами / Ред.-конс. А.Н. Алексеев; Ред. электр. изд. Е.И. Григорьева. 4-е доп. изд. М.: ЦСПиМ, 2014–2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 15.06.2018. URL: <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>>.
8. *Канто А.С.* Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было. М.: Изд-во «У Никитских ворот», 2018. — 656 с.
9. *Козлова Л.А.* Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105–113.
10. *Колбановский В.В.* Из истории постсталинской социологии: от ренессанса до реформации // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. С. 19–41.
11. *Кон И.С.* ИКСИ и ИОН // 80 лет одиночества. М.: Время, 2008. — 448 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 24.07.2018. URL: <<http://www.pseudology.org/Kon/80Let/12.htm>>.
12. *Левада Ю.А.* Лекции по социологии. Информационный бюллетень № 5 (20). М.: Научный совет АН СССР по проблемам Конкретных социальных исследований; Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1969. — 117 с.
13. *Москвичев Л.Н.* Этапы институционализации отечественной социологии // Осипов Г.В. Социология и власть (как это было на самом деле) / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Изд-во «Экономика», 2008. С. 485–502.
14. *Немчинов В.С.* Социология и статистика // Вопросы философии. 1955. № 6. С. 19–30.
15. *Немчинов В.С.* Проблемы современной социологии // Новое время. 1956. № 10. С. 5–9.

16. *Осипов Г.В.* Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 5–22.
17. *Осипов Г.В.* Возрождение социологии в России: как это было на самом деле // Наука – культура – общество. 2008. № 3. С. 4–16.
18. *Осипов Г.В.* «Мы жили наукой» // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. С. 93–109.
19. *Осипов Г.В.* Социология в системе научного управления обществом // Социология и общество: пути взаимодействия. Материалы пленарного заседания Всероссийского социологического конгресса, 21 октября 2008 года / Под ред. Г.В. Осипова и М.К. Горшкова. М.: Вече, 2010. — 144 с.
20. *Осипов Г.В.* Социология и власть (как это было на самом деле) / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Изд-во «Экономика», 2008. — 646 с.
21. *Осипов Г.В.* Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. — 234 с.
22. *Поремский В.* Советская социология глазами западных ученых // Социология и власть. Документы и материалы. 1953–1968 / Под. ред. Л.Н. Москвичева. М.: Academia, 1967. С. 102–124.
23. *Пилипенко Н.В.* Институт конкретных социальных исследований и развитие социологической науки в СССР // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт 1999. С. 331–345.
24. *Пугачева М.Г.* Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972 гг. // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 158–72.
25. *Романовский Н.В.* Первый директор — академик А.М. Румянцев // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 22–27.
26. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. — 683 с.
27. Социология и власть. Документы и материалы. 1953–1968 / Под. ред. Л.Н. Москвичева. М.: Academia, 1997. — 168 с.
28. *Филиппов А.Ф.* Советская социология как полицейская наука // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 91–105.
29. *Фирсов Б.М.* История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки: [учебное пособие] / Б. Фирсов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. — 476 с.
30. *Ядов В.А.*: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 3. С. 2–11.
31. *Яницкий О.Н.* Была ли социология в СССР // Официальный портал Института социологии РАН. Блог О.Н. Яницкого. 18.06.2015 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.05.2018. URL: <http://www.isras.ru/blog_yan_74.html>.

32. *Shalin D.N.* The Development of Soviet Sociology, 1956–1976 // Annual Reviews of Sociology. 1978. No. 4. P. 171–191. DOI: 10.1146/annurev.so.04.080178.0011

Дата поступления: 15.06.2018.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2018. VOL. 24. No. 3. P. 117–140. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5996

L.A. KOZLOVA

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Moscow, Russian Federation.

Larissa A. Kozlova — Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (499) 120-82-57.
Email: LarissaKozlova@yandex.ru

**ESTABLISHING THE FIRST ACADEMIC INSTITUTE OF SOCIOLOGY —
ICSR AS USSR, 1968: THE ATMOSPHERE AND PARTIES INVOLVED**

Abstract. This article analyzes the alignment of forces (social subjects) and the socio-political context prevalent during the time of the Khrushchev thaw, which lead to establishing the very first academic institute of sociology in 1968 — the Institute for Concrete Social Research (ICSR) AS USSR. Certain facts dating back to the 1940's are clarified concerning the background of the ICSR under the Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences, using data from the Russian Academy of Sciences' archive.

It is a well-known fact that at the end of the 1950's and the beginning of the 1960's a centralized hierarchical system was in place to manage Soviet science, which functioned under stringent control from the communist party. One of the more common opinions states that sociology at the time was establishing itself in a desperate struggle against authorities. Among the issues analyzed is the nature of that struggle, as well as who was able to overcome the system and how, in order to establish sociology as an official discipline, while creating the necessary conditions for instituting the ICSR, why did concrete social studies become its specialization. Considered are three interacting parties which participated in this process, i.e. social subjects — the emerging sociological community, academic leaders and party-political authorities. Shown are the nature and the degree of interest on behalf of each subject, as well as the nature of interactions between sociologists and leading academics, sociologists and party-political authorities, and between branches of government. It is argued that during the Khrushchev thaw these interactions bore various aspects, both negative and positive, and that the popular thesis about a “desperate struggle for sociology” against authorities is a one-sided and exaggerated interpretation of the true picture. It is revealed that the emergence of sociology at the earliest stages, together with the establishment of the first academic institute, was due not only to a “sociological movement”, as in a widespread development of sociological research, but also an “institutional and administrative movement” embodied in the academic leadership, as well as interest and support on behalf of party-political authorities.

Analyzed are the ideological conditions for establishing the ICSR. Namely — the confrontation and subsequent compromise between “Marxist sociology” (historical

materialism) and empirical (“concrete”) evaluation of society. It is shown that a compromise between the parties involved is what determined the initial official specialization of the Institute, in the form of concrete social research.

Keywords: the Institute of Concrete Social Research AS USSR (ICSR); establishing the ICSR; Khrushchev thaw; Marxist sociology; historical materialism; concrete social research; sociological movement; institutional and administrative movement; managing science; party-political authorities; legitimizing sociology; the Institute of Philosophy AS USSR.

For citation: Kozlova L.A. Establishing the First Academic Institute of Sociology – ICSR AS USSR, 1968: The Atmosphere and Parties Involved. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 117–140. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5996

REFERENCES

1. Batygin G.S. Soviet sociology at the end of the Stalin era (several episodes). *Vestnik akademii nauk*. 1991. Vol. 60. No. 10. P. 90–107. (In Russ.)
2. Batygin G.S. *Foreword. Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh*. [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. Ed. by G.S. Batygin; Select. by S.F. Yarmolyuk. St Petersburg: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut publ., 1999. P. 3–16. (In Russ.)
3. Batygin G.S. Continuity of the Russian sociological tradition. *Sotsiologiya v Rossii*. [Sociology in Russia.] Ed. by V.A. Yadov. 2th ed. Moscow: In-t sotsiologii RAN publ., 1998. P. 23–44. (In Russ.)
4. Batygin G.S., Devyatko I.F. Sociology and power: episodes of Soviet history. *Totalitarizm i posttotalitarizm. (Star'i i podgotovitel'nye materialy)*. [Totalitarianism and post-totalitarianism. (Articles and preparatory materials).] Iss. 2. Moscow: IS RAN publ., 1994. P. 174–201. (In Russ.)
5. *Vekhi rossiiskoi sotsiologii. 1950–2000-e gody*. [Milestones of Russian sociology. 1950–2000-ies.] Ed. by Zh.T. Toshchenko, N.V. Romanovskii. St Petersburg: Aleteiya publ., 2010. 664 p. (In Russ.)
6. Gorshkov M.K., Toshchenko Zh.T. The main milestones in the development of Russian sociology (late 1950ies – 2010ies). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 6. P. 3–16. DOI: 10.7868/S0132162518060016 (In Russ.)
7. Doktorov B.Z. *Biograficheskie interv'y u kollegami-sotsiologami*. [Biographical interviews with fellow sociologists.] Ed. by A.N. Alekseev; Electr. ed. by E.I. Grigor'eva. 4th ed. Moscow: TsSPiM, 2014–2018. Accessed 15.06.2018. URL: <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>>. (In Russ.)
8. Kapto A.S. *Sotsiologicheskii renessans: o tom, kak na samom dele eto bylo i kak ne bylo*. [Sociological Renaissance: About how it really was and how it was not.] Moscow: U Nikitkikh vorot publ., 2018. 656 p. (In Russ.)
9. Kozlova L.A. Post-revolution period of Russian sociology: a failed attempt at sovietization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016. No. 12. P. 105–113. (In Russ.)
10. Kolbanovskii V.V. Pages from the history of post-Stalin sociology: from the Renaissance to the Reformation. *Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh*. [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. Ed. by G.S. Batygin; Select. by S.F. Yarmolyuk. St Petersburg: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut publ., 1999. P. 19–41. (In Russ.)
11. Kon I.S. ICSR and ISS. *80 let odinochestva*. [80 years of loneliness.] Moscow: Vremya publ., 2008. 448 p. Accessed 24.07.2018. URL: <<http://www.pseudology.org/Kon/80Let/12.htm>>. (In Russ.)

12. Levada Yu.A. *Leksii po sotsiologii. Informatsionnyi byulleten' No. 5 (20)*. [Lectures on sociology. Information Bulletin No. 5 (20).] Moscow: Institut konkretnykh sotsial'nykh issledovaniy AN SSSR publ., 1969. 117 p. (In Russ.)
13. Moskvichev L.N. Stages of the institutionalization of Russian sociology. *Sotsiologiya i vlast' (kak eto bylo na samom dele)*. [Sociology and power (as it was in reality).] Ed. by G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. Moscow: Ekonomika publ., 2008. P. 485–502. (In Russ.)
14. Nemchinov V.S. Sociology and Statistics. *Voprosy filosofii*. 1955. No. 6. P. 19–30. (In Russ.)
15. Nemchinov V.S. Problems of modern sociology. *Novoe vremya*. 1956. No. 10. P. 5–9. (In Russ.)
16. Osipov G.V. The revival of sociology in Russia. How it was in reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 6. P. 5–22. (In Russ.)
17. Osipov G.V. The revival of sociology in Russia: how it really was. *Nauka – kul'tura – obshchestvo*. 2008. No. 3. P. 4–16. (In Russ.)
18. Osipov G.V. “We lived by science”. *Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh*. [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. Ed. by G.S. Batygin; Select. by S.F. Yarmolyuk. St Petersburg: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut publ., 1999. P. 93–109. (In Russ.)
19. Osipov G.V. Sociology in the system of scientific management of society. *Sotsiologiya i obshchestvo: puti vzaimodeistviya. Materialy plenarnogo zasedaniya Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa, 21 oktyabrya 2008 goda*. [Sociology and society: ways of interaction. Materials of the plenary session of the All-Russian Sociological Congress, October 21, 2008.] Ed. by G.V. Osipov, M.K. Gorshkov. Moscow: Veche publ., 2010. 144 p. (In Russ.)
20. Osipov G.V. *Sotsiologiya i vlast' (kak eto bylo na samom dele)*. [Sociology and power (as it was in reality).] Ed. by G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. Moscow: Ekonomika publ., 2008. 646 p. (In Russ.)
21. Osipov G.V. *Vozrozhdenie sotsiologicheskoi nauki v Rossii*. [The revival of sociological science in Russia.] Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie publ., 2012. 234 p. (In Russ.)
22. Pilipenko N.V. Institute of Concrete Social Research and the Development of Sociological Science in the USSR. *Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh*. [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. Ed. by G.S. Batygin; Select. by S.F. Yarmolyuk. St Petersburg: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut publ., 1999. P. 331–345. (In Russ.)
23. Poremskii V. *Soviet sociology through the eyes of Western scholars. Sotsiologiya i vlast'. Dokumenty i materialy. 1953–1968*. [Sociology and power. Documents and materials. 1953–1968.] Ed. by L.N. Moskvichev. Moscow: Academia publ., 1997. P. 102–124. (In Russ.)
24. Pugacheva M.G. Institute for Specific Social Studies of the USSR Academy of Sciences, 1968–1972. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1994. No. 2. P. 158–172. (In Russ.)
25. Romanovskii N.V. The first director — Academician A.M. Rumyantsev. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 6. P. 22–27. (In Russ.)
26. *Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh*. [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. Ed. by G.S. Batygin; Select. by S.F. Yarmolyuk. St Petersburg: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut publ., 1999. 683 p. (In Russ.)
27. *Sotsiologiya i vlast'. Dokumenty i materialy. 1953–1968*. [Sociology and power. Documents and materials. 1953–1968.] Ed. by L.N. Moskvichev. Moscow: Academia publ., 1997. 168 p. (In Russ.)

28. Filippov A.F. Soviet sociology as a police science. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2014. No. 3. P. 91–105. (In Russ.)
29. Firsov B.M. *Istoriya sovetskoi sotsiologii: 1950–1980-e gody. Ocherki: [uchebnoe posobie]*. [The history of Soviet sociology: 1950–1980-ies. Essays: [tutorial].] 2nd ed. St Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge publ., 2012. 476 p. (In Russ.)
30. Yadov V.A.: “...It is necessary to influence the movement of social planets as much as possible...”. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev*. 2005. No. 3. P. 2–11. (In Russ.)
31. Yanitskii O.N. Was there sociology in the USSR? *Ofitsial'nyi portal Instituta sotsiologii RAN*. Blog O.N. Yanitskogo. [Official portal of the Institute of Sociology RAS. Blog of O.N. Yanitsky.] 18.06.2015. Accessed 30.05.2018. URL: <http://www.isras.ru/blog_yan_74.html>. (In Russ.)
32. Shalin D.N. The Development of Soviet Sociology, 1956–1976. *Annual Reviews of Sociology*. 1978. No. 4. P. 171–191. DOI: 10.1146/annurev.so.04.080178.001131

Received: 15.06.2018.
